
ОТ АВТОРА

Для литератора, увлеченного советским кино и в жанре биографии дебютировавшего жизнеописанием Леонида Гайдая, самым логичным следующим шагом заведомо представлялось написание книги об Эльдаре Рязанове. Ведь именно Гайдай и Рязанов были в прошлом веке — и остаются в текущем — лучшими нашими комедиографами. Равновеликий обоим Георгий Данелия, непременно возникающий в этом же перечне, все-таки был гораздо менее комедийным. Впрочем, и Рязанов чем больше работал в кино, тем чаще ставил не просто комедии, но трагикомедии, а то и вовсе трагедийные картины.

И все же при разговоре о самых светлых, добрых, славных и смешных кинолентах прошлого русскоязычный человек с огромной долей вероятности прежде всего назовет лучшие комедии Гайдая и Рязанова — примерно в равной пропорции.

При всей несхожести их биографий и фильмов между Леонидом Иовичем и Эльдаром Александровичем можно найти немало общего. Оба всю жизнь работали на студии «Мосфильм». Оба дебютировали в игровом кино в 1956 году. Главным кумиром в мировом кинематографе для обоих всегда оставался Чарли Чаплин. В начале карьеры оба вынужденно сняли по нелюбимой черно-белой картине, сценаристом каждой из коих был Александр Галич («Трижды воскресший» Гайдая и «Дайте жалобную книгу» Рязанова). Фильмы обоих нередко становились чемпионами по числу зрителей, посмотревших их в год премьеры. Наконец, десятки цитат из гайдаевских и рязановских фильмов стали частью фольклора и прочно укоренились в повседневной речи.

Кое-что общее можно найти и в личной жизни двух режиссеров. Оба женились на своих однокурсницах по

ВГИКу — и у обоих в этом браке появилась дочь (Рязанов, в отличие от Гайдая, впоследствии женился еще дважды, но других детей тоже уже не заводил).

Конечно, различий было больше — некоторые из них прямо бросались в глаза. Рязанов — толстый, Гайдай — худой. Рязанов — болтун и балагур, Гайдай — молчун и угрюмец. Рязанов со стороны выглядел типичным холериком, Гайдай многим казался едва ли не меланхоликом (на деле оба были сангвиниками). Рязанов заливисто хохотал на съемках собственных комедий, Гайдай во время работы всегда был непроницаем как скала.

Внешне замкнутый, задумчивый, сдержанный, Леонид Иович вовсе не был похож на создателя веселых и жизне-радостных картин. С другой стороны, трудно было понять, почему в творчестве открытого, смешливого, самоуверенного, экспансивного Рязанова содержится столько грустного и элегического.

В общем, разные, очень разные люди и режиссеры — и фильмы у них совершенно несходные: одного автора с другим перепутать немислимо. И в то же время в творчестве их есть кое-что родственное — доброта и теплота, отточенность и продуманность, вообще забота о зрителе. «А вместе делаем общее дело, — говорил рязановский Деточкин милиционеру на мотоцикле с коляской. — Ты по-своему, а я по-своему...»

Но если Гайдай ограничивался деланием собственного дела и даже практически его не комментировал, то Рязанов рассказал о своей работе почти все, что можно было. Может, поэтому о рязановском кино сегодня говорить проще, чем о гайдаевском. Хотя и это еще как поглядеть...

Рязанов называл себя человеком средних способностей — и в этом самоопределении не чувствовалось ни кокетства, ни ложной скромности. Не сочтите за попытку принизить героя, но автор книги скорее разделяет данную автохарактеристику режиссера. Если Гайдая легко и с большими основаниями можно назвать гением, то к Рязанову это слово как-то не клеится. Эльдар Александрович брал другим — трудолюбием, амбициозностью, творческим азартом, умением сплотить вокруг себя коллектив сверходаренных личностей, готовых идти за ним в огонь и в воду.

Да, Рязанов, вероятно, был не настолько талантлив, как Гайдай, но в то же время являлся, пожалуй, более многогранной и разносторонней личностью. Изначально документалист, потом комедиограф, автор многих книг

(художественных, биографических и автобиографических), сценарист, драматург, прозаик, поэт, телеведущий, интервьюер, преподаватель, просветитель, общественный деятель, Рязанов оставил после себя огромное наследие. Если информацию о Гайдае приходилось собирать чуть ли не по крупицам, то, взявшись за биографию Рязанова, автор столкнулся с противоположной задачей. Об Эльдаре Александровиче сказано и написано (в том числе им самим) очень много — столько, сколько не изложить в рамках одной книги. Требовалось отобрать самые существенные факты и постараться раскрыть наиболее важные стороны героя и его творчества.

Рязанов любил цитировать известную фразу, приписываемую Огюсту Родену: искусство скульптора состоит-де в том, чтобы взять глыбу мрамора и отсечь от нее все лишнее. Замахнувшись на биографию эдакой глыбы, как Эльдар Рязанов, всю правоту данного высказывания почувствовал на себе и автор этой книги. Тем интереснее было над ней работать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РАННИЙ РЯЗАНОВ

Глава первая

«ВЫ СЛИШКОМ МОЛОДЫ, ЭЛИК»

Детство. ВГИК. Документалистика

Так что же такое Рязанов Эльдар?
Расскажем о нем по порядку:
Рязанов не молод, но он и не стар,
не любит он делать зарядку.

Умеет готовить салат и омлет,
гордится собой как шофером.
В кино он работает множество лет,
и там он слывет режиссером.

Врывается часто в чужие дома —
ему телевизор отмычка —
и любит поесть до потери ума,
а это дурная привычка.

В одежде не франт, не педант, не эстет,
как будто небрежна манера.
Он просто не может купить туалет —
увы! — не бывает размера.

Эльдар Александрович — из толстяков,
что рвутся худеть, но напрасно.
И если работа — удел дураков,
Рязанов — дурак первоклассный.

На склоне годов принялся за стихи,
себя не считая поэтом.
Имеет еще кой-какие грехи,
но здесь неудобно об этом.

В техническом смысле он полный debil,
в компьютерный век ему трудно.

Но так получилось: он жизнь полюбил,
и это у них обоюдно.

Представьте, Рязанов удачно женат,
с женою живет он отлично.
Он любит друзей и хорошему рад.
И это мне в нем симпатично.

Это автобиографическое стихотворение было написано прославленным советским кинорежиссером в 1982 году, когда ему было пятьдесят пять. И вряд ли в детстве и даже в ранней юности Эльдар Рязанов узнал бы в этих строках собственный «автопортрет художника в зрелости». Хотя о праве называться художником — в широком смысле слова — Элик мечтал с самых малых лет. Его страстью была литература — он обожал читать и больше всего на свете желал сделаться писателем. Впрочем, он не воспринимал это как свое призвание, будучи уверенным, что к сему поприщу надо идти долгие годы, набираясь жизненного опыта и попутно набивая руку. Именно так достиг успеха Мартин Иден — любимый литературный герой юного Эльдара. Руководствуясь примером персонажа Джека Лондона, Рязанов намеревался стать профессиональным моряком — и, вероятно, стал бы. Если бы только не война...

Начало войны застигло тринадцатилетнего Элика в Тбилиси, где он проводил лето с матерью и отчимом. Родного отца Эльдар не помнил.

Александр Семенович Рязанов, выходец из крестьян и воспитанник Арзамасского реального училища, в довольно юном возрасте сделался активным большевиком. В 1918 году ему досрочно выдали свидетельство об окончании училища и отправили в Москву делегатом от арзамасских коммунистов. А вскоре Александр Рязанов уже сражался на фронтах Гражданской войны. В девятнадцать лет Рязанов стал комиссаром дивизии — и его будущее выглядело столь же блестящим, как и у знаменитого впоследствии Аркадия Гайдара, в свое время тоже окончившего Арзамасское реальное училище и тоже сделавшего блистательную карьеру на Гражданской.

В начале 1920-х Александр Рязанов познакомился с Софьей Михайловной Шустерман, которая покинула родную мешанскую семью, проживавшую в Самаре, чтобы переехать в Москву и стать женой бравого комиссара.

О своем происхождении Эльдар Александрович уже на склоне лет напишет иронический текст песенки для так и не осуществившегося мюзикла «Толстый и тонкая»:

Во мне бурлит смешение кровей...
Признаюсь, по отцу я чисто русский.
По матери, простите, я — еврей!
А быть жидом в стране родимой грустно.

Разорван в клочья бедный организм,
в какой борьбе живет моя природа!
Во мне слились в объятье сионизм
навек с Союзом русского народа.

То хочется мне что-то разгромить,
то я боюсь, как бы не быть мне битым.
Внутри меня семит с антисемитом,
которых я не в силах помирить.

До рождения Элика супруги Рязановы некоторое время жили в Тегеране, где работали в советском торгпредстве. Но то была работа под прикрытием — на самом деле Александр и Софья являлись агентами НКВД и осуществляли в Персии разведывательную деятельность. Вскоре они были разоблачены и выдворены на родину.

В Москве Рязановы поселились в прекрасной трехкомнатной квартире с видом на собор Василия Блаженного. Александр Семенович был назначен директором винного главка.

Готовясь стать матерью, Софья Михайловна заблаговременно и целенаправленно отправилась рожать в Самару, где ее окружили заботой родные сестры. 18 ноября 1927 года у Рязановых появился сын, которого нарекли Эльдаром. В выборе столь экзотического имени, конечно, сказался персидский опыт супругов. У тюркских народов «Эльдар» означает либо «Божий дар», либо даже «хозяин страны». В общем, это имя королей и поэтов. Кстати сказать, из Эльдара Рязанова, пожалуй, мог бы получиться и крупный политический деятель, сложись обстоятельства его жизни несколько по-другому. К счастью, произошло не это — и Рязанов увековечил себя в истории России именно на творческом поприще.

Увы, вскоре после рождения Элика между его родителями начался разлад. Новая должность Рязанова-старшего вышла ему боком — он стал сильно пить и устраивать дома скандалы. В конце концов Софья Михайловна приняла ре-

шение бросить мужа и вместе с сыном временно переехала к подруге в коммуналку.

Оставшись без отца и без проживания в престижном районе, Элик связался с неблагополучными уличными детьми — обыкновенной малолетней шпаной начала 1930-х. Маленький Рязанов дни напролет проводил во дворе вместе с хулиганистыми сверстниками. Друзья гоняли голубей, играли в пристеночек и расшибалочку, а также стреляли из самопалов по таким же оболтусам из соседнего двора. Закономерным образом Эльдар очень рано пристрастился также к курению и выпивке. К счастью, юным алкоголиком он стать не успел, ибо однажды столь сильно отравился водкой, что с тех пор уже никогда в жизни не позволял себе употреблять спиртное в больших дозах. А вот бросить курить Рязанов сумеет лишь через несколько десятилетий.

Как бы то ни было, Элику безумно нравились его малопочтенные занятия. Вот только Софья Михайловна регулярно портила обожаемому отпрыску всю эту малину. Она приезжала с работы, звала сыночка к себе, при всех целовала и обнимала его, отчего мальчику было мучительно стыдно перед товарищами. Пытаясь отвести Эльдара от его сомнительного и небезопасного уличного досуга, она доставала ему великолепно изданные книги из серии «Библиотека приключений». Мамина затея удалась: прославленные романы Фенимора Купера, Майн Рида и Жюль Верна настолько захватили Элика, что он почти в одночасье превратился из скверного уличного мальчишки в страстного книгочея-домоседа.

Вероятно, уже тогда Эльдар стал подумывать о писательстве как самой лучшей деятельности, доступной человеку. Во всяком случае, писать стихи он начал еще задолго до окончания школы.

Тем временем разведшийся с Софьей Михайловной Александр Рязанов завел новую семью, у него родилась дочка. В 1938 году он был репрессирован — его осудили на пять лет. Не смирившийся с беспричинной «посадкой» Александр Семенович пытался бежать, но был пойман и осужден еще на десять лет. В итоге выйти на свободу Рязанов смог лишь после смерти Сталина, а полностью реабилитирован был и того позднее. Что стало с его второй женой и дочерью, он так и не узнал. И Эльдара Александровича долгие годы мучила мысль, что у него была (а может, и осталась) сестра, о судьбе которой не имелось никаких сведений.

Софья Михайловна после развода тоже недолго оставалась одинокой. Ее новым избранником стал инженер, специалист по металлоконструкциям Лев Михайлович Копп — недавний вдовец. Будучи глубоко порядочным, интеллигентным, доброжелательным и спокойным человеком, Копп с самого начала совместной жизни произвел на Элика прекрасное впечатление, которое никогда впоследствии не менялось. Со своим единоутробным братом Михаилом Коппом, родившимся в 1940 году, Эльдар тоже навсегда сохранил замечательные отношения.

Перед самой войной Лев Михайлович был назначен главным инженером строительства четырех авиационных заводов в Грузии. Тогда-то его семья в составе Софьи Михайловны, Элика и Миши оказалась в Тбилиси. Известие о начале войны Эльдар встретил с восторгом — тогда вообще мало кто сомневался в том, что Красная армия молниеносно отразит нападение любого врага. Очень скоро энтузиазм Элика (как и миллионов других маленьких и больших советских граждан, излишне доверившихся официальной предвоенной пропаганде) сильно поутихнет.

На семейном совете было решено, что Софья Михайловна вместе с детьми переберется в родную Самару (к тому времени город уже переименовали в Куйбышев). Для этого мать и сын Рязановы вместе с маленьким Мишей Коппом сначала приехали в Астрахань. Там все трое сели на пароход и вверх по Волге поплыли в Куйбышев. В Сталинграде Рязанова вышла получить по аккредитиву деньги, которых не хватало на оставшуюся дорогу. Однако здесь случилось ЧП: на пароход устремилось такое количество беженцев, что капитан вынужден был немедленно отчалить и продолжить дальнейший путь. Узнав об этом, Софья Михайловна стремглав бросилась к местному военкому, в силах которого было помочь ей в этой ситуации. И таковая помощь действительно была оказана разволновавшейся женщине: ее посадили на быстроходный катер и доставили обратно на пароход к покинутым детям. Эльдар Александрович позже рассказывал об этом инциденте с гордостью — как бы в подтверждение того, что собственный пробивной характер он, несомненно, унаследовал от матери.

Осенью в Куйбышев прибыл и Лев Копп. Как раз в это время сюда эвакуировали множество военных предприятий, и Лев Михайлович вновь был поставлен во главе одного из авиационных заводов.

Кроме того, в Куйбышев переместилась из столицы

часть правительства, а также почти вся труппа Большого театра. Последнее обстоятельство стало настоящим подарком для местных жителей, в том числе для Элика. Впрочем, лично ему еще милее был Театр оперетты, выступавший в филармонии, которая была буквально напротив дома Рязановых. В тот год Эльдар более десяти раз посмотрел такие знаменитые спектакли, как «Сильва», «Марица» и «Принцесса цирка». (Заглавная героиня «Девушки без адреса» 1958 года произносит: «Вот к нам оперетта приезжала — так я все постановки пересмотрела», — и в этой реплике чувствуется голос самого Рязанова.) Столь активное увлечение опереттой аукнется много позже, когда Эльдар и сам станет ставить музыкальные комедии — именно в этом жанре ему предстоит сделать свои первые шаги в художественном кино.

Увы, Элику недолго пришлось жить насыщенной жизнью театромана: отчима перевели в Нижний Тагил — город, который произвел на всю семью настолько удручающее впечатление, что удостоился прозвища Нижний Могил.

В зрелости Рязанов вообще не так уж часто и охотно рассказывал о своем детстве, а уж о пребывании в «Нижнем Могиле» и вовсе высказывался разве что пунктиром: «Длиннющие многочасовые очереди за иждивенческой нормой черного хлеба по карточкам; трудный быт эвакуации; прозябание в холодном бараке, где приходилось растапливать печку кусками резиновых шин, брошенных на свалке; охота на гигантских, полуметровых крыс, шныряющих по бараку; умение готовить обед почти что из ничего; наука нянчить младшего брата...» С другой стороны, и в таком житье-бытье имелись свои светлые стороны — в конце концов Эльдар тогда был энергичным и неунывающим восьмиклассником, не питавшим ни малейшей склонности к мерехлюндии (таковым он, впрочем, оставался на протяжении всей жизни). Элик влюбился в одноклассницу, но на школьных вечерах все никак не решался пригласить ее на танец, поскольку не обладал навыками в этом деле. Уроки танцев давали ему девочки — соседки по бараку. Под звуки бешено популярных тогда мелодий «Рио-Рита» и «Брызги шампанского» подросток Рязанов, тогда еще стройный и подтянутый, старательно выделял простейшие па. Но потанцевать со своей избранницей ему так и не удалось: пришла пора возвращаться в Москву, угроза нападения гитлеровцев на которую уже миновала.

Из эвакуации Рязанов вернулся не только с театральны-

ми впечатлениями и любовными переживаниями. Он привез оттуда еще и объемистую тетрадь собственных стихов. Эльдару не терпелось продемонстрировать свое творчество тому, кто знает в этом толк. И он даже точно знал, как именно зовут данного «знатока». Конечно, им был Константин Симонов. Не только для Эльдара, но и для большинства его сограждан Симонов в сороковых годах являлся главным стихотворцем военного времени, «лучшим, талантливейшим» (как сказал о другом — к тому времени, увы, уже давно покойном — поэте товарищ Сталин).

Через адресный стол Рязанов совершенно запросто узнал телефон Симонова и позвонил ему. Выслушав, в чем дело, знаменитый поэт, как ни странно, пригласил безвестного юного коллегу к себе домой. Эльдар пришел и передал тетрадь. Условились, что он вернется за ней и за вердиктом Симонова через неделю.

Неделя прошла быстро, но вердикт оказался убийственным для начинающего автора. Рязанов в те годы умело подражал Пушкину, Лермонтову, Надсону, но только этим его поэтические способности и ограничивались. Константин Симонов без обиняков сказал Рязанову, что его рифмованные опусы — не более чем версификаторство и что настоящий поэт должен искать свой голос, а не копировать чужие. Эльдар вовсе не был уничтожен таким отзывом: Симонов высказал все это столь корректно и доброжелательно, что начинающий стихотворец не почувствовал ни малейшей обиды. Он даже был скорее благодарен Симонову, чем разочарован его словами.

Между тем амбиции Рязанова оставались прежними: он страстно мечтал стать автором не только стихов, но и прозы — конечно, мужественной и героической, а-ля Джек Лондон. А сделаться «советским Лондоном», как казалось Элику, можно только одним способом — для начала проплавать несколько лет по морям и океанам и уже потом заняться сочинительством.

Для того чтобы немедленно приступить к осуществлению своей цели и подать документы в Одесское мореходное училище, Рязанову предстояло еще закончить школу. Дождаться, когда это произойдет естественным путем, Элику было невмозготу (терпение никогда не было сильной стороной рязановского характера) — и по окончании девятого класса он решает сдать экзамены за десятый экстерном. В то время так поступали многие из тех, кому не терпелось как можно раньше поступить в вуз или устроиться

на работу. Но добиться положительного результата удавалось единицам: условия были строги и беспощадны. Требовалось в кратчайшие сроки сдать шестнадцать экзаменов без права пересдачи любого из них. Получение первой же двойки отрезало все пути для девятиклассника, которому не терпелось распрощаться со школой, и заставляло его провести за партой еще один год.

Отличительной чертой Рязанова на протяжении всей жизни — и прежде всего в юные годы — была феноменальная память. Поэтому все шестнадцать экзаменов он сдал без особого труда, пускай половину из них за счет чистой бездумной зубрежки.

В Одесское мореходное были отправлены документы, но ответа оттуда не было. В конце концов стало ясно, что в этом году Рязанов туда не поступит и ему надо сдавать экзамены в какой-нибудь московский вуз. «Перебьюсь где-нибудь годик, но уж на следующий год обязательно отправлюсь в Одессу», — решил Эльдар.

Где именно «перебиваться», Рязанову было практически все равно. Однажды он случайно встретил на улице своего знакомого, вместе с которым сдавал экзамены экстерном и для которого это мероприятие тоже увенчалось успехом.

— Куда поступаешь? — спросил Элика приятель.

Тот пожал плечами.

— Я сейчас еду во ВГИК, — сообщил приятель. — Хочешь со мной?

— ВГИК? — растерянно переспросил Рязанов, первый раз в жизни слыша эту аббревиатуру.

— Ну Институт кинематографии! — воскликнул знакомый. — Неужели не знаешь? Там несколько факультетов, я хочу пойти на экономический. Буду организатором кинопроизводства.

Рязанов в те годы не особенно интересовался кинематографом, но на авось решил попытать счастья именно в этом институте. Оказалось, что во ВГИКе помимо экономического имеются также операторский, художественный, актерский и режиссерский факультеты. Организация производства заведомо казалась Рязанову слишком скучной деятельностью. Желаящие стать операторами должны были принести на экзамен свои фотоработы, которых у Эльдара не было. Также Элик не умел рисовать, а посему и художественный факультет ему не подходил. Опыт участия в самодеятельности и вообще склонностями к лицедейству Рязанов тоже не мог похвастаться. Значит, отпадало и поступление на актерский.

Оставался лишь режиссерский факультет, где требовалось всего лишь предъявить свои литературные опыты. А дома у Рязанова как раз целая тетрадь стихов, хоть и подражательских, но все-таки не совершенно бездарных.

Дальнейшая судьба Эльдара Рязанова решилась, таким образом, внезапно, случайно и в мгновение ока. Вскоре он уже первым приступом штурмовал стены ВГИКа, старательно сочиняя рецензию на довоенный фильм Александра Зархи и Иосифа Хейфица «Депутат Балтики». За нее он получил тройку, но этого было достаточно для допуска ко второму туру. Там абитуриентам было предложено выбрать несколько записей из рассказа Чехова «Жалобная книга» и охарактеризовать людей, которые эти записи оставили. Рязанов вновь обратился к своему дару подражательства — и написал три прозаических фрагмента «под Чехова». За эту работу он уже получил «отлично».

Последним и главным экзаменом было собеседование, на котором, как пугали друг друга поступающие, могли «спросить что угодно — и попробуй не ответить». Ходил слух, что почти всем кандидатам в кинорежиссеры задают вопросы о живописи — и тот, кто в ней не разбирается, немедленно «засыпется». Рязанов прислушался к этим прогнозам — и впервые в жизни отправился в картинную галерею. В Третьяковке была выставка Репина, которую Эльдар добросовестно осмотрел.

Один из первых вопросов среди тех, которые на собеседовании задал Рязанову знаменитый ленинградский режиссер Григорий Козинцев (именно он набирал в этом году курс), был такой:

— Сколько человек изображено на картине Репина «Не ждали»?

«Какое спасительное совпадение!» — подумал Рязанов, напряг память и уверенно ответил:

— Шесть.

На самом деле там было семь человек — смутно обозначенную на заднем плане фигуру, выглядывающую из-за двери, Рязанов упустил из виду.

Еще раньше Козинцев спросил Элика, что тот читал. Рязанов нахально ответил, что для своего возраста он читал довольно много. В комиссии засмеялись.

Затем абитуриенту было предложено прослушать музыкальный фрагмент и описать свои впечатления. В бессловесной музыке Эльдар тогда не разобрался — и прослушанная композиция не вызвала в нем ни мыслей, ни чувств. Но

он вяло пробубнил что-то про море и блуждающий по нему корабль: такую, мол, картину навеяла мне эта мелодия.

Напоследок Козинцев с кислым видом предложил Рязанову на ходу сочинить рассказ, который заканчивался бы фразой «Который час?».

— Смешной рассказ? — уточнил Эльдар.

— Какой хотите. Не важно.

Элик вспомнил собственный подъезд и квартиру на пятом этаже и сымпровизировал следующее: «Вот по обшарпанной лестнице на пятый этаж бредет усталый почтальон. Лифт не работает — война. Почтальон поднимается. Он запыхался. Он уже немолод. Он позвонил в дверь. Из квартиры вышел старик. Почтальон вручил ему письмо. Старик посмотрел на конверт: на обратном адресе значилась полевая почта его сына. Но адрес был написан чужой рукой. Старик взял письмо и вернулся в комнату. В комнате сидела старуха. Он сказал:

— Письмо пришло!

Старик вскрыл конверт и прочитал, что их сын погиб смертью героя. Старик выронил из рук листок бумаги и спросил:

— Который час?..»

После этого Рязанова приняли, хотя и условно. Это означало, что, если он никак не проявит себя в первом семестре и не сможет как следует сдать первую сессию, его отчислят. Иными словами, Рязанов изначально стал считаться одним из наиболее вероятных кандидатов на скорое выдворение из института. Но принятие в институт, пусть даже с такой оговоркой, все равно необычайно воодушевило Элика. То была уже вторая значимая победа в его жизни после сдачи экстерном выпускных школьных экзаменов.

В дальнейшей творческой деятельности Рязанову предстоит одержать десятки громких побед, но пока он об этом еще не думает. В начале осени 1944-го все мысли шестнадцатилетнего вгиковского первокурсника по-прежнему — о морских путешествиях. Однако очень скоро планы и мечты Эльдара кардинально изменятся, и на всю оставшуюся жизнь его пленит десятая муза.

В один год с Рязановым на режиссерский факультет ВГИКа поступил Василий Васильевич Катанян — сын известного литературоведа и пасынок еще более знаменитой Лили Брик. Катанян станет лучшим другом Эльдара Рязанова на всю жизнь, получит известность как режиссер-документалист, а в постсоветское время прославится и как

автор биографических книг. Катанян постоянно вел любопытнейший дневник, опубликованный уже после его смерти, в 2001 году, под названием «Лоскутное одеяло». Благодаря начальным страницам этой книги у нас есть возможность зримо представить, как именно, в какой обстановке учился Рязанов, как проводили время, о чем говорили он и его сокурсники. Краткие характеристики всем им Вася Катанян дал в своем дневнике уже в самые первые дни учебы:

«Стасик Ростоцкий, фронтовик, с протезом ноги. Красивый интеллигентный парень, улыбочатый, но серьезный. Говорит бесконечные монологи и не слушает собеседника. Знаком с Эйзенштейном.

Виллен (Виля) Азаров, симпатичный, знает немецкий (в детстве жил в Германии) и множество голливудских фильмов, и кто где играет, словно они его родственники.

Веня Дорман. Любит шутить, его отец композитор, он написал «На карнавале музыка и краски...», что исполняет Изабелла Юрьева. Оказывается, я Веню видел еще в 1942 году в Омском цирке, он выступал мальчиком-феноменом: ему говорили помножить 457 399 на 512 073 и он тут же отвечал — сколько. Я его узнал, он мало изменился, так как очень курчавый.

Галя Лебедева — восторженная дура.

Вася Левин — огромный блондин-хотун, часто причмокивает, прежде чем сказать что-либо.

Зоя Фомина — уже училась в каком-то институте, но потом перешла во ВГИК. И веселая, и серьезная, и умная. Аккуратная и дисциплинированная, но в то же время компанейская.

Галя Минайченкова. Странно смеется, симпатичная, выбрали ее старостой, у всех стреляет папиросы, говорит: «Не будь жмотом (вместо 'пожалуйста'), дай закурить». Покрывает нас при прогулах.

Эльдар Рязанов. Самый юный из нас. Смешливый, компанейский. Феноменальная память, стихи запоминает с ходу. Тоже стал говорить: «Не будь жмотом».

Ира Чистякова. Интеллектуалка, любит формулировать. Когда смеется, то краснеет. С ней интересно разговаривать. Страшная судьба: отца ее зарезали, когда мама была беременна. А в начале августа 1945 года, когда Ира отдыхала, мама поехала ее навестить в дом отдыха (о чем Ира не знала, а сестра была в отъезде), маму сбила машина, ее никто не хватился, и ее похоронили в общей могиле... Сейчас Ира живет с сестрой-калекой и старой нянькой.

Шемшурин. Очень молчаливый, а когда говорит, то неинтересно.

Марина Карповская. Красивая пышноволосая девушка. Звезд с неба не хватает, но прислушивается к умным ребятам.

Ляtif Сафаров. Азербайджанец из Баку. Веселый, темпераментный, со страшным акцентом. Очень подробно-многословный.

Лия Дербышева, уже окончила МЭИ. Серьезная, но иногда вдруг взрывается смехом. Стремительная, малоконтактная, из тех, про кого говорят “Шутки в сторону!”.

Лева Кулиджанов, его перевели к нам с другого курса. Так же плохо одет, как большинство из нас, но часто говорит о прошлой шикарной жизни, и я люблю его слушать.

Аркаша Ушаков. Деревенский. Видели его пару раз, все время говорит: “Уезжаю сено косить” или “Еду ставить избу”. Так оно или нет, но мы уважительно молчали.

Иосиф Ольшанский. Серьезный юноша, медлительный. Часто в пример приводит систему Станиславского, о которой никто из нас толком не знает. Мы его прозвали “Система”.

Валя Вирко. Случайная блатная девочка, очень элегантная. На сборищах может танцевать до упаду и говорить, пока не кончится слюна.

Наташа Соболева. Окончила педагогический, из Костромы. Очень толковая, серьезная. Держится особняком.

Вот таких нас набрали. Что-то с нами будет через шесть лет? Пока что все полны энтузиазма и готовы завоевать мировые экраны».

О самом Катаняне того периода Рязанов через много лет вспоминал так: «Вася был среди нас самым элегантным и самым остроумным. Элегантность его была врожденной. Все мы в 1944—45 годах ходили черт-те в чем, в залатанных штанах и заштопанных рубашках. Но Вася, носивший обноски, как и остальные, выделялся франтовством: напялит на себя немислимый берет или накинёт какой-нибудь яркий шарф и прямая ему дорога на подиум — показывать моды нищих. Хотя слово “подиум” мы тогда не знали».

В другой своей книге, «Прикосновение к идолам», Катанян рассказывал о начальном периоде общения со знаменитым впоследствии другом: «В коридоре ВГИКа мы впервые встретились с Рязановым. Разговорились, чему-то засмеялись, закурили и стали друг друга пугать экзаменами.

Я, как сейчас, вижу его — веселого, с подпрыгивающей походкой, худого-худого. Еще шла война, большинство абитуриентов выглядело сущими оборванцами. На Эльдаре была явно с чужого плеча гимнастерка, она была маловата, на локтях заштопана, а рукава были коротки. <...>

Мы как-то сразу подружились с Рязановым и стали бывать друг у друга дома. Он жил тогда на Смоленской, во дворе, высоко, без лифта. Там в коммуналке у них было две комнаты в разных концах коридора. Софья Михайловна всегда была гостеприимна, и, если садились за стол, то, несмотря на трудные карточные времена, всегда усаживали и меня. Она замечательно готовила, славилась своими беляшами (когда наступили времена полегче), а ее рецептом капустного пирога я пользуюсь до сих пор. Она была человек волевой, настойчивый, и мне кажется, что честолюбие Эльдар унаследовал от нее. Его отчим Лев Михайлович всегда был улыбчивый, доброжелательный и мудрый. Был еще маленький брат Мишка, которого часто оставляли на попечение Эльдара. Теперь это уже не Мишка, а доктор геологических наук.

Рязанов всегда учился легко, схватывая все на ходу, у него была феноменальная память, которую он сохранил по сей день. Он был круглый отличник, но единственный предмет, где Эльдар был хуже всех, — ритмика. Он никак не мог попасть в такт музыке, скоординировать движения — руками на три четверти, а ногами на две трети, кажется — и очень огорчался. Мой довод — “заставь это сделать самого Эйзенштейна, он тоже запутался бы, а вот смотри, какие картины снимает!” — его не утешал. И силой воли, которую ему не занимать стать, он воспитал в себе и слух, и чувство ритма, что сразу же проявилось в “Карнавальная ночь”».

Набравший курс Козинцев, однако, долгое время не видел в Эльдаре никаких талантов. Впрочем, Григорий Михайлович вообще был скептиком даже по отношению к работам большинства своих коллег — что уж говорить о студентах? Вечно занятый съемками в родном Ленинграде, Козинцев вырывался в Москву лишь два раза в год на пару недель. Тогда у его учеников отменялись все занятия и они целыми днями занимались с Козинцевым режиссурой. Его ассистенткой по этому предмету была Александра Хохлова — звезда немого кино и супруга Льва Кулешова, еще одного известного режиссера и вгиковского преподавателя.

С каждым следующим козинцевским занятием большинство его студентов чувствовали, что все сильнее разо-

чаровывают Григория Михайловича. Из всего своего курса, набранного в 1944-м, Козинцев в те годы выделял разве что фронтовика Станислава Ростоцкого. К некоторым другим относился нейтрально, а вот «круглого отличника» Рязанова откровенно недолюбливал. Василий Катанян вспоминал: «Рязанов был среди нас самый молодой, непосредственный и искренний, увлекающийся, спонтанный, веселый и смешливый. Именно эти качества сильнее всего раздражали Козинцева в Эльдаре, и после второго курса (с завидной прозорливостью) он решил его отчислить».

Действительно, после того как Рязанов проучился во ВГИКе уже два года (к тому времени, разумеется, забыв и думать о карьере моряка), Козинцев сказал ему:

— Знаете, нам все-таки придется расстаться с вами.

— Почему же, Григорий Михайлович?! — не на шутку испугался Рязанов.

— Вы слишком молоды, Элик, — развел руками Козинцев.

— Григорий Михайлович, но ведь два года назад я был еще моложе — вы могли заметить это тогда!

Козинцева этот элементарный довод неожиданно убедил.

— А ведь и правда, — почесал он в затылке. — Ну ладно, черт с вами, учитель!

Гораздо более теплые отношения установились у Рязанова с мировой знаменитостью Сергеем Эйзенштейном, который далеко не сразу появился во ВГИКе. После войны для Сергея Михайловича настали трудные времена — была запрещена вторая серия его фильма «Иван Грозный», а на съемки третьей (так в итоге и не поставленной) было наложено вето. Чтобы отвлечь великого коллегу от неприятностей (да и просто для того, чтобы отставленному режиссеру было на что жить), Козинцев пригласил его во ВГИК преподавать теорию режиссуры. И почти сразу создатель «Броненосца “Потемкин”» и «Александра Невского» обратил особое внимание на способного студента Рязанова.

«Когда Эйзенштейн стал читать нам лекции и вести практикумы у себя на дому, он сразу почувствовал незаурядность Эльдара и одарил его своим расположением, — писал Катанян. — Он привил ему любовь к книгам и на первых порах рекомендовал ему собирать монографии о художниках. В 1947 году мы были на практике на “Ленфильме” и, получив свою грошовую стипендию, тут же, голодные, все устремлялись в “Норд” за пирожными — но не Рязанов.

С завистью глядя на нас, легкомысленных разгильдяев, он все же шел к букинистам, которых тогда было много на Невском».

Но все же основную часть свободного времени студент Рязанов проводил не с Эйзенштейном и не с букинистами, а с лучшим другом Васей Катаняном и со своей пассией Зоей Фоминой. И во ВГИКе, и долгое время после него эта троица была неразлучна.

«Часто у меня готовились к экзаменам, — вспоминал Василий Катанян, — занимались мы главным образом втроем с Эликом Рязановым (Эликом его зовут родные или близкие друзья) и Зоей Фоминой, его будущей женой — они поженились по окончании института. Обедать уезжал каждый к себе на другой конец города и возвращался — мы были настолько бедны, что часто не могли предложить друг другу даже чаю с хлебом. Так же бывало, когда занимались у них. Иногда у нас оставались ночевать из-за комендантского часа. Тогда я укладывался на рояле, под подушку подставляя пюпитр.

И, разумеется, не обходилось без студенческих вечеринок, предлог всегда находился. В 1946 году устроили “бал” по поводу пятидесятилетия со дня первого сеанса кино на бульваре Капуцинов (а сегодня отмечаем столетие!). Конечно, была картошка, кислая капуста, в виде деликатеса — колбаса, каждый принес хлеб. Пили водку, тогда популярна была “Тархун”, по поводу которой пели: “Однажды в Версале Тархун выдавали, среди прикрепленных был граф Сен-Жермен”. Эльдар и Зоя любили кагор, но он стал доступен после отмены карточной системы в конце 1947 года. Тогда на вечеринки-складчины они стали приезжать с кагором и салатом оливье, который очень хорошо готовила Зоина мама Анна Васильевна — его привозили в бидоне. Тогда вся страна была завалена дешевыми крабами, и мы фыркали: “Опять эти крабы!”

Защитив диплом, это радостное событие тоже отмечали у нас и так танцевали, что проломил пол».

На протяжении немалого времени Рязанов, Фомина и Катанян были буквально помешаны на ма-джонге (или просто «ма») — древней китайской игре. «Если в году 365 дней, то 360 вечеров мы провели за игрой. Зоя и я еще ничего, а Рязанов страшно расстраивался при проигрыше, хотя дело было не в деньгах. Такой уж он был (и остался) азартный.

А потом вдруг мы перестали играть — как отрезало. <...>

Как-то выветрился азарт, да и времени не оставалось — все много работали, ездили в экспедиции».

Весной 1948 года во ВГИК пришли еще два преподавателя, на сей раз это были режиссеры нехудожественного кино: документалист Арша Ованесова и создатель научно-популярных фильмов Александр Згуриди. Они предложили всем желающим студентам специализироваться на том или другом виде документального кино. На дворе было время малокартинья, выходило лишь несколько художественных фильмов в год — и на тот момент для режиссеров-выпускников в этом направлении не было никаких перспектив. Поэтому ряд студентов охотно пошли в хронику или научпоп. В мастерскую Ованесовой после некоторых колебаний записались неразлучные Рязанов, Фомина и Катанян, а также присоединившаяся к ним Лия Дербышева. Знали бы они тогда, что через несколько лет умрет Сталин и производство художественных фильмов немедленно увеличится в разы, может, и не сделали бы этого шага. Впрочем, ни Катанян, ни Рязанов об этом шаге никогда не пожалеют. Первый на всю жизнь останется верен документалистике; второй через несколько лет займется кинокомедией, но останется благодарен опыту, полученному во время работы над киножурналами и кинохроникой. Съёмки документальных фильмов дали Рязанову то «знание жизни», ради которого он когда-то хотел начать странствовать по морям.

Через два года после начала учебы у Ованесовой Василий Катанян с гордостью запишет в дневнике: «15 и 17 апреля 1950 года, защитив дипломы и получив звание режиссеров художественных фильмов, мы пришли на Центральную студию документальных фильмов, куда нас направили из Главка и зачислили ассистентами (Фомина, Рязанов, Дербышева и я)». А позже дополнит эту запись: «Мы ассистировали то мастерам, то тусклым ремесленникам. Понемногу нам стали давать работать самостоятельно, делать “Пионерия”, ежемесячный журнал о детях и для детей, когда-то придуманный Аршей Ованесовой».

«За пять лет работы на хронике, — вспоминал Рязанов, — мне довелось побывать во многих интереснейших местах нашей страны. Я путешествовал по Сахалину, Камчатке, Курильским и Командорским островам, плывал на китобойной флотилии, снимал краболовов в Охотском море, прославлял нефтяников Кубани и путейцев Октябрьской железной дороги. Моими героями были дети и спортсмены, рабочие и писатели, рыбаки и пограничники, уче-

ные и оленеводы. Перечислить всех людей, с которыми я встречался, которых узнал, с которыми подружился или поссорился, невозможно. Это было время стихийного накопления жизненного материала».

Рязанову и Фоминой (теперь уже счастливым супругам), а также их верному другу Катаняну впервые за несколько лет ежедневного насыщенного общения пришлось без конца разъезжаться друг с другом по разным уголкам Советского Союза. Тогда между ними завязалась интенсивная переписка.

10 июля 1950 года после своей первой киноэкспедиции (в Армению) Эльдар писал Василию, в то время снимавшему хронику в Ашхабаде:

«Перед отъездом из Еревана был на рынке и купил своей Пенелопе босоножки на пробке. Кажется, они ей понравились. Теперь о сюжетах, которые я снимал. Первый со скрипом пролез в “Пионерию”, а второй — о гл. архитекторе города на просмотре не приняли и отправили в летопись. Но я не теряю бодрости и оптимизма и на просмотре вполне резво защищал свое говно. Сейчас на студии хотят дать августовскую “Пионерию” кому-нибудь из молодых. Все началось из-за того, что Швейцер, Рыбаков и Бунеев написали письмо в ЦК о нетерпимом положении молодых в кино. В Министерстве сейчас зашевелились на этот счет. Меня сватают на “Киргизию” к И. Посельскому. Не знаю, что из этого выйдет, потому что он отмалчивается, а я не особенно настаиваю. Как температура? Что снимаете? Как поживает съемочная группа? Пиши подробно обо всем.

Целую, Элик».

7 августа Катанян, все еще находившийся в Туркмении, получил от Рязанова следующее письмо:

«Дорогой Васенька!

Растут ли усы? Потеешь ли ты по-прежнему? Как снимаешь? Как Кармен, Медынский? Пиши подробно и не издевайся над нами на туркменском языке. Я так и не смог перевести твоих туркменских иероглифов.

Я ездил в Иваново снимать сюжет в интернациональном доме, где живут дети антифашистов. Снимал я там отъезд тридцати китайских ребят на родину. Сюжет получился не оч. плохой, люди говорят, что нравится. Завтра суд: общественный просмотр. Но нет головного сюжета и как назло нет никаких пионерских событий и нет погоды, чтобы организовать что-нибудь. В общем, журнал сделаем: Люта пишет текст, Штильман зазвучит и Хмара заговорит... Зоя

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru